

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Коваленко Н.Г. — Толстой как социальный и религиозный реформатор // Социодинамика. – 2023. – № 3. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.3.39824 EDN: MZMUIV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39824

Толстой как социальный и религиозный реформатор

Коваленко Наталья Геннадьевна

ORCID: 0000-0002-5397-316X

кандидат философских наук

доцент, кафедра иностранных языков и культуры речи, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

196601, Россия, г. Санкт-Петербург, пушкин, ул. Петербургское Шоссе, 2А, оф. 2403

✉ nataly6707@mail.ru

[Статья из рубрики "Наследие и трансформации"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2023.3.39824

EDN:

MZMUIV

Дата направления статьи в редакцию:

21-02-2023

Аннотация: В данной работе рассматриваются труды великого русского писателя, философа и социально-религиозного реформатора Льва Николаевича Толстого созданные в конце XIX – начале XX столетий. Социальная философия Толстого в качестве своего основания предполагала и базировалась на религиозном типе культуры. Христианский тип личности в его православном звучании был для Толстого основополагающим. Хотя вместе с тем он с неортодоксальных позиций анализировал и подвергал критике современную ему православную церковь за её теснейшую связь с властными структурами российской империи. Как писал в свое время историк русской философии В.В. Зеньковский мировоззренческие установки Толстого неотрывны были от Православной веры. Учение Толстого, в частности его философия ненасилия получило достаточно широкое распространение и способствовало возникновению социально-религиозного движения толстовцев в России. Идеи Толстого были адекватно восприняты и за рубежом, в частности, это идеология неучастия Махатмы Ганди в Индии XX столетия. Философия ненасилия Льва Николаевича Толстого соответствовала как неприятию иерархического устройства внутрицерковной жизни со стороны толстовцев, так и традициям восточной философии с её опорой на принцип неделания и ненасилия.

Ключевые слова:

Толстой, религиозный реформатор, толстовство, философия ненасилия, антиэтатизм, великий русский писатель, реформаторство, творчество, писатель, произведение

Введение

Философия Толстого базировалась на религиозном типе культуры. Это определило его стремление к религиозному реформаторству. Социально-религиозные идеи русского писателя наиболее полно воплотились в его публицистическом творчестве, которое стало значимым явлением в отечественной культуре Серебряного века. Следует особо выделить такие его произведения 80-90-х годов XIX столетия как: Четвероевангелие: Соединение и перевод четырёх Евангелий, 1880 – 1881 гг.; Исповедь, 1882 г.; В чём моя вера? (1883 – 1888); Исследование догматического богословия, 1884 г.; Царство Божие внутри вас – трактат, 1890 – 1893 гг.; Краткое Изложение Евангелия, 1906 г.; Путь жизни, 1910 г.

Методология

Цель данной историко-культурной работы состоит в том, чтобы реконструировать воззрения Л.Н. Толстого в социально-религиозной сфере отечественной духовной культуры. В литературном и публицистическом творчестве Толстого ведущим концептом стала философия ненасилия, которая привела к формированию движения русских и зарубежных толстовцев. Методологически в статье используется историко-культурный подход и методические установки религиоведения.

Основная часть.

Толстовский религиозный тип в отечественной литературе трактовался с различных позиций: во-первых, как отказ от языческого наследия предков с последующим принятием христианской религии – этой позиции придерживался В.В. Розанов. Читая и всесторонне анализируя труды Толстого, он писал, что видит в них скрытое стремление поучать окружающих, что, с его точки зрения, как личностное качество было имманентно присуще великому писателю, если подходить к их рассмотрению комплексно, а не изучать отдельные аспекты. По мнению Розанова, в раннем и позднем творчестве Толстого можно беспрецедентно и детально проследить ярко и глубоко отраженную историю языческих верований и их взаимоотношений с христианской верой, а также напротив – историю христианской религии и ее взаимоотношений с дохристианскими верованиями, и увидеть, как они встречаются друг с другом, сталкиваются и противостоят внутри одной личности. Конные скачки в Царском селе, детально описанные в толстовской «Анне Карениной», встреча Вронского с Анной в бальном зале и испытанное им от нее головокружение, начальная стадия их любовных отношений; все стороны бытования Николая Ростова в полку, отраженные в другом труде – «Войне и мире», как и, в целом, живописные описания в обоих романах-эпосах, по мнению философа, картинно отображают идолопоклоннические представления о жизни и ее смысле. «Ибо суть язычества, конечно, не в богах и именах, а в духе, в жизни, в складе и течении ее» [1. с. 230]. Здесь сам Розанов, как философ Серебряного века, по определению Н.О. Лосского выступает также «ищущим бога» [2. с. 435].

Во-вторых, как отход от христианской религии и веры с последующим переходом к бытовавшим в прошлом языческим верованиям предков. В частности, И.М. Концевич был убежден, что великий писатель сыграл немаловажную роль во всемирном переходе к

языческим верованиям, поскольку сделал в этом направлении немало через разрушение христианской веры [3. с. 4]. Действительно, в работах Толстого наличествует острая критика современной ему церковной жизни и деятельности, но это совсем не означает отход от христианства как религии. Церковь как государственный институт порицалась русским писателем, поэтому он столь рьяно выступал за возврат раннего христианства (христианства первоначального или внецерковного). По определению историка Ирины Свенцицкой это общинное или ектлезияльное христианство [4.].

В-третьих, насыщенность толстовского мировоззрения православными идеями. В.В. Зеньковский в труде «История русской философии» пишет о том, что мировоззренческие установки писателя коренным, принципиальным образом связаны с Православной верой, а также приводит доказательство в пользу существования вышеупомянутой взаимосвязанности в виде повторного перехода «к религиозной культуре, имеющей дать синтез исторической стихии и вечной правды, раскрыть в земной жизни Царство Божие» [5. с. 385]. С точки зрения Зеньковского, писатель хотя и испытывал отрицательные чувства в отношении Церкви как института, ее реалий и сложной истории, «но *он только Церкви и искал*, искал «явленного» Царствия Божьего, Богочеловеческого единства и вечного, и временного» [5. с. 385 там же].

В-четвертых, применительно к творцам, относящимся к периоду Серебряного века, и с их точки зрения толстовскую религиозную разновидность культуры можно охарактеризовать как *аскетическую*. В частности, С.Н. Булгаков был убежден, что всё творчество писателя является носителем ряда отличительных особенностей, в перечень которых следует включить всестороннюю критику и тщательную проверку ценностей двумя привычными тому способами: отказавшись от укоренившихся в человеческом обществе общекультурных ценностей и планомерно, на разных уровнях критикуя свойственный буржуазии образ жизни и порожденную ею цивилизационную систему. Самого Толстого очень многое не устраивало в общепринятых ценностях, которые разделяли его современники. Современное ему общество придерживалось ряда социокультурных ценностей, удостоившихся всесторонней критики и внимательного рассмотрения, детального разбора со стороны писателя. В их число можно включить: государство и его ключевые институты, поскольку в их фундаменте лежит принцип насильственного принуждения; официальную церковь, давно переставшую соблюдать Евангелие и христианские заповеди; а также укоренившийся в социуме утилитаристский, прагматический подход к морали и нравственности.

В то же время С.Н. Булгаков считал, что толстовская религиозная культура самоценна и значима в силу той причины, что в ней находит отражение аскетизм как ключевая особенность христианской веры, ориентация на который имманентно присуща ей. По мнению Булгакова, свойственное толстовству проповедование непопулярного тогда воздержания навело фокус на тот факт, что современное русскому писателю общество и цивилизацию поразили такие язвы как склонность к утилитарно-материалистическому подходу к жизни и окружающим людям, а также ориентация на принципы эвдемонизма. В вышеупомянутом аспекте толстовство обретает максимальное сходство с христианской верой, однако нюанс заключается в том, что мировоззренческим установкам писателя свойственно претендовать на подлинность, полную свободу от тех наслоений, которыми покрылось это верование за свою древнюю историю. Несмотря на это, именно упор на самоограничение и воздержание, по мнению автора, и есть тот водораздел, отделяющий реальное христианство от толстовства [6. с. 282]. Как религиозный мыслитель Булгаков «неоднократно утверждал, что произошедший с ним на рубеже веков поворот к религии не привел его, как, например, Бердяева, к «конфликту» с миром, а, напротив, заставил

глубже понять этот мир» [7. С. 220-221]. В этом понимании ключевым моментом стало понятие «София». Булгаков писал, что София применительно к множественности Вселенной может быть охарактеризована как единая связка идей, играющая роль вместилища для идейно-идеологических ростков абсолютно всего сущего [8. с. 201]. А в творчестве В.С. Соловьева "София" есть ничто иное как само человечество, воссоединенное единым порывом к любви и человечности.

В-пятых, толстовский религиозный тип характеризуется как религиозно-философский синтез. В частности, Е.Д. Мелешко считает, что практикуемый писателем в своем творчестве философско-религиозный синтез представляет собой всего лишь искательство определенной «золотой середины», обоснование своего рода «рационального иррационализма» или «разумной веры» вполне в духе русской традиции цельного духовного знания» [9. с.6]. Эта идея синтеза религии и философии была воспринята представителями евразийства. Фактически речь в этом случае шла о формировании нового вида православной теологии или богословия. Г. Флоровский писал, что это и можно охарактеризовать как ситуацию, в которой нигилизм всесторонне поражает богословскую традицию [10. С. 510-511].

Толстовское богословие с его опорой на критику как государственных институтов, так и государственной православной церкви, нашло своё признание у последователей – толстовцев. Речь идёт в этом случае об одной из российских сект. Приверженцы толстовства демонстрировали принципиальное несогласие с церковной догматикой, принятой в христианстве, а также массовыми богослужениями. Кроме того, им претило иерархическое устройство внутрицерковной жизни, однако, тем не менее, они с крайним почтением относились к той морали и нравственным устоям, на которых веками зиждилась христианская вера. Также приверженцам толстовства была свойственна всесторонняя критика бытовавшего тогда православия в двух аспектах – церковном и религиозном, поскольку они считали, что церковные иерархи так или иначе поддерживают насильственные меры, предпринимаемые со стороны государства, и поощряют существующее социальное расслоение. Приверженцы толстовства разделяли все первоосновные идеи основателя этого движения, включая всепрощение, неппротивление злу насилием, нежелание враждовать с другими этносами и народностями в строгом соответствии с христианской заповедью «любите врагов ваших». Все вышеперечисленные идеи были озвучены Христом в произнесенной им Нагорной проповеди и вкратце сводятся к основным принципам, среди которых «любовь к ближнему», нравственность, стремление к личностному самосовершенствованию, избегание ненужного усложнения жизни через самоограничение и воздержание, то есть аскетизм. В рамках христианской веры по умолчанию предполагается, что духовность превышает материализма, а дух сильнее материи.

Приверженцы толстовского движения интенсивно популяризовали мировоззренческие установки учителя, вели просветительскую работу среди простых людей, а также учредили специально для этого книгопечатное издательство, дав ему название «Посредник». В нем многотиражному книгоизданию подвергались должны быть понятными обычному крестьянину труды самого Льва Николаевича и иных авторов-народников, в частности, Г.И. Успенского и А.П. Чехова. Также налаженный книгопечатный процесс распространялся на учебную литературу, посвященную агрономическим, ветеринарным и санитарно-гигиеническим вопросам. В период с 1901 по 1905 год в Лондонском издательстве толстовским движением также печаталась газета под названием «Свободное слово». После революции и образования СССР в период с 1920-х по 1930-е гг. существовавшие до того коммуны земледельцев – приверженцев

толстовства (помимо прочих, к этому перечню можно отнести известную коммуну под названием «Жизнь и труд») по большей части подверглись ликвидации, а после принудительного роспуска состоявшие в них люди зачастую были вынуждены проходить через репрессии. На сегодняшний день толстовское движение не умерло, до сих пор живут люди, разделяющие его основные идеи – в западноевропейских странах, на североамериканском континенте, а также в Японии, Индии и ряде иных государств.

Толстовство как движение последователей учения Толстого было непосредственно связано с социальной критикой. Многосторонней критике подвергались безнравственные, аморальные выходки официальных представителей церкви – ее чиновников и духовников не только внутри православия, но и внутри католицизма. В частности, Толстой полагал, что не приверженность неким ложным истинам, а именно несоблюдение духовными сановниками простых оговоренных в рамках религии правил, оглашенных еще при императоре Константине на государственном уровне, как и отказ работать и физически трудиться, леность, праздный образ жизни, развращенность и стремление к роскоши, обогащению стали причиной падения авторитета официальной церкви в глазах простых людей и ее замкнутости на саму себя [11. С. 166-399]. Критикуя тогдашнюю церковь в качестве общественной институции, писатель подчеркивал, что в принятых и практикуемых ею постулатах отсутствуют какие-либо существенные требования относительно *этики, нравственности и поведения* прихожан. Писатель был возмущен тем, что прихожане, придерживающиеся христианской религии, могут делать всё, что душе угодно, без каких-либо самоограничений и обязательств, исключением являлась разве что обязанность периодически поститься и ежедневно молиться, да и то, церковные иерархи прощали ее несоблюдение. Причем подобное положение дел, к возмущению Толстого, сложилось еще в эпоху императора Константина – с тех пор христиане не несли никаких повинностей внутри этого религиозного института и не должны были воздерживаться, ведь их принятие собственной церковью было безусловным [12. с. 439].

Толстой наглядно демонстрирует и специально выделяет тот факт, что реальным предназначением официальной церкви и проповедуемой ею формы христианства на практике является стремление сохранить, объяснить и *оправдать* сложившиеся общественную и политическую системы, а не пытаться изменить и реформировать их. Писатель пишет об этом, как об уступке, сделанной единожды мирскому, и после этого церковники уже были вынуждены во всём следовать за ним, потакая ему. Таким образом, простой народ остался без созидательной направляющей силы со стороны церковных институтов, которые были вынуждены занять вторичную, одобрительную позицию в отношении народного своеволия. Мирская жизнь всегда характеризовалась отсутствием духовности, опоры на этику и столпы истинной, первозданной христианской веры и религии, и во многом была противоположна им, находилась в противоборстве с ними, при этом церковные иерархи стремились найти иносказательные трактовки и оправдания такому сложившемуся положению дел, чтобы антихристианское, антирелигиозное и аморальное людское поведение не выглядело таковым [12. с. 439].

Как закономерный итог – со стороны церкви последовало не только официальное признание, но и освящение идей, концепций и традиций, почерпнутых обществом из язычества. В список подобных свойственных язычникам явлений следует включить расторжение брака с супругами, обращение себе подобных в рабов, готовность и стремление судиться, казнить ближнего и воевать с соседними народами в противовес христианским заповедям, а также одобрение имеющих власть правителей и власть предержащих. Кроме того, церковники при проведении обряда крещения для

обращающихся в христианство требовали от новообращенных отречься от злых дел и помыслов лишь на словах, да и то, подобное положение дел сохранялось очень недолго, в первые столетия распространения этой религии, а в дальнейшем, когда крестили новорожденных, отказались и от вышеупомянутой традиции. Таким образом, с точки зрения писателя, официальные церковные институты начисто утратили изначальную духовно-руководящую роль на общественном уровне, и вместо этого заняли позицию народного толкователя, трактующего на новый лад христианскую метафизику, чтобы концептуально сохранить установившийся жизненный уклад. Толстой сокрушается, что его современники живут внутри сообществ вразрез с официальными церковно-религиозными догмами, не опираясь и не учитывая их в своей повседневной жизнедеятельности, причем это касается не только православия, но и других религий [12. с. 440].

Аналогичные претензии у писателя были и к власти: по его мнению, правительства как институт принуждения стоят на традициях, научно-обоснованных теориях, могут избираться всенародно или быть тираническими, базирующимися на солдатских штыках и жестокости сильных, однако в основе ни одного из них не лежат церковные принципы, духовность и религиозные заповеди [12. с. 441]. Аналогичная ситуация, с его точки зрения, сложилась и в военно-государственной сфере, на межгосударственном уровне, где взаимоотношения между различными странами строятся на таких соображениях как общенародное одобрение, сбалансированность интересов и другое, а мнение церкви в расчет не принимается. Особенно заметным Толстой считал выраженное игнорирование церковных институтов со стороны правительственных и госучреждений, поэтому христианские заповеди не ложатся в фундамент судебной системы или законодательства по имущественным вопросам, более того, его современников подобная идея могла разве что позабавить. Помимо этого, его возмущала произвольная враждебность со стороны академического сообщества и развивающихся научных дисциплин в отношении религии и религиозных институтов, хотя это противоречие, дисгармония и противоборство, несмотря на не останавливающийся научный прогресс, не являлись неизбежными. Аналогичное положение, как он полагал, сложилось и в сфере искусства, которое когда-то прежде веками находилось в услужении у церковных институтов, но в его время покинуло христианство, полностью дистанцировавшись от него [12. с. 441]. Сложившуюся ситуацию писатель считал неслучайной, а основной первопричиной ее называл применение христианства в качестве инструментария, позволяющего оправдать, сохранить и укрепить имеющийся общественно-политический режим, выгодный государству и власть предержащим. Это автоматически подразумевало и сохранение всех социальных язв, поэтому официальное христианство в человеческом обществе на практике стало применяться в качестве инструмента принуждения.

Писатель критиковал официальное христианство и продвигаемую церковными институтами религию в ряде книг, включая такие небезызвестные труды как «В чем моя вера?», «Христианское учение», «Критика догматического богословия». Использованные им критические замечания можно охарактеризовать как критику: чрезмерной, неоправданной рациональности в изложении концепции и сути христианских догм; неразрывной взаимосвязанности догм с реальной церковной практикой. Также замечаниям писателя были свойственны антиэтатистские настроения в сочетании с анархическими убеждениями и сильная антипатия, испытываемая им в отношении одобренных государством официальных церковных институтов, поскольку такие теплые взаимоотношения с правительством и власть предержащими делали их недостойными доверия в глазах мыслителя. По мнению Толстого, церковные иерархи обманывали простых людей, не давая им ответа на самые животрепещущие вопросы о душе и смысле

собственной жизни, а вместо этого забрасывали их нелепой информацией, более того, они не позволяли другим искать ответы и глубоко погружаться в указанную проблему [13. с. 296]. Открытая критика церковного устройства и привела к отлучению писателя от Православной церкви.

Ключевыми отличительными чертами толстовства являются непротivление злу насилием и всесторонняя критика официальных церковных институтов, обусловленные убеждениями основателя этого течения. В рамках толстовства первоосновная роль отводится любви как ключевой *ценности* для людей. С указанной точки зрения, по мнению Е.Д. Мелешко, «понимание сущности закона и означает как раз метафизический аспект и компонент любви, а «руководство в поступках» характеризует ее этический аспект» [14. с. 31]. Таким образом, базовый, имманентно присущий любви смысл состоит в практическом деятельном обучении тому, как преодолевать зло, к которому можно причислить различные объективные преграды, попадающиеся всем людям на протяжении их жизни, а также суеверность и склонность уступать, не сопротивляясь, разнообразным искушениям. Но это касается личного, индивидуального уровня; на уровне государства и социума писатель предлагает основным действенным методом борьбы со злом *неделание*, то есть здесь подразумеваются исключительно *пассивные* способы противостояния и бездейственное сопротивление деструктивному общественному давлению.

Выводы

В качестве вывода укажем, что ключевой постулат толстовства сводился к утверждению *безусловной важности и универсальности* принципа непротivления злу, на котором собственно и базируется христианство как таковое. Также без соблюдения указанного правила становится невозможной любовь, чьими неотъемлемыми компонентами и спутниками являются два свойства – самоотречение и готовность героически пожертвовать собой. Таким образом, любовь представляет собой *метафизический фундамент* жизни, символизирующий собой ее *начало*; именно через нее в людях проявляется божественность и замысел Бога, тогда как с помощью религии люди отражают собственное отношение к безгранично длящемуся существованию бессмертной души. Также религия увязывает воедино земную, мирскую жизнь с этой вечностью, безграничностью, и является ориентиром при выборе линии поведения и разнообразных действиях, играя тем самым роль морально-нравственного ограничителя. Метафизика отражается в принципе любви, а этика – в непротivлении злу, при этом оба этих компонента являются неотъемлемыми элементами толстовства.

Библиография

1. Розанов В.В. Толстой между великими мира // Собрание сочинений. О писательстве и писателях / В. В. Розанов; Под общ. ред. [и с коммент.] А. Н. Николюкина. – Москва : Республика, 1995. 733 с.
2. Лосский Н.О. История русской философии. – М.: Высшая школа, 1991. 559 с.
3. Концевич И.М. Истоки душевной катастрофы Л.Н. Толстого // Духовная трагедия Льва Толстого. М.: «Отчий дом», 1995. 319 с.
4. Свенцицкая И. С. Раннее христианство: страницы истории. – М.: Политиздат, 1989. 335 с. Свенцицкая И. С. Тайные писания первых христиан. – М.: Политиздат, 1981. 288 с.
5. Зеньковский В.В. История русской философии. – М.: Академический Проект, Раритет, 2001. 880 с.

6. Булгаков С. Н. Простота и опрощение // Лев Толстой: proetcontra. СПб., РХГИ.: 2000. С. 274-298
7. История русской философии // Под общ. ред. проф. А.Ф. Замалева. – СПб.: Изд. дом С. – Петербургского гос. университета, 2012. 354 с.
8. Булгаков С.Б Первообраз и образ: сочинения в двух томах. Т. 1. Свет не вечерний. // Подг. текста, вступ. статья И. Б. Роднянской, коммент. В. В. Сапова и И. Б. Роднянской. – СПб.: ООО «ИНАПРЕСС», М.: «Искусство», 1999. 416 с.
9. Мелешко Е.Д. Христианская этика Л.Н. Толстого. М.: Наука, 2006. 308 с.
10. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации. 2009. 848 с.
11. Л. Н. Толстой. Так что же нам делать? Собрание сочинений в 22 т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 16. С. 166-399
http://rvb.ru/tolstoy/01text/vol_16/01text/0346.htm (дата обращения 11.11.2022)
12. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. В чем моя вера? Т. 23. Государственное издательство «Художественная литература», 1957. 617 с.
13. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Исследование догматического богословия. Т. 23. Государственное издательство «Художественная литература», 1957. 617 с.
14. Мелешко Е.Д. Христианская этика Л.Н. Толстого. М.: Наука, 2006. 308 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Настоящая статья написана в интересном и, к сожалению, сегодня редком жанре рациональной исторической реконструкции. Причем в качестве источника взята такая масштабная и историческая фигура как Лев Толстой.

Толстовство — религиозно-этическое общественное течение в России конца XIX — начала XX вв. Возникло в период 1880-х гг. под влиянием религиозно-философского учения Л. Н. Толстого. Основы толстовства изложены Л.Н.Толстым в работах «Исповедь», «В чём моя вера?», «Крейцера соната». Тогда же начали возникать колонии «толстовцев» в Тверской, Симбирской, Харьковской губерниях и в Закавказье. Эти колонии получили название «культурных скитов». Толстовство нашло последователей в Западной Европе, Японии, Индии и Южной Африке.

Главными принципами толстовства являются: непротивление злу насилием, всепрощение, всеобщая любовь и нравственное самоусовершенствование личности, опрощение в жизни. Для религиозных взглядов в рамках толстовства характерен синкретизм и отвержение догматов православной Церкви.

Лев Николаевич Толстой -русский писатель, всемирно известный в своих произведениях, и в то же время наглядно показавший губительность человеческой гордыни и употребления собственного таланта на борьбу с Богом.

В 1870-ые гг. Л.Н.Толстой пережил тяжелейший духовный кризис, чуть не завершившийся самоубийством. Основной вопрос, тяготивший писателя – вопрос о смысле жизни и смерти. Начинаются религиозные поиски, чтения богословских трактатов, поездки в Оптину пустынь. Гегель оправдывал все существующее. Дарвин приравнивал человека к животному, оправдывал борьбу, то есть зло в людях; Ницше доказывает, что то, что противится в природе человека злу, – есть ложное воспитание, ошибка.

Разрыв Л.Н.Толстого с той средой, к которой он принадлежал по своему рождению и воспитанию, отказ от прежнего образа жизни происходит в начале 1880-х гг. Он теоретически обосновывает свое миропонимание в «Исповеди», «Исследовании догматического богословия», «Соединении и переводе четырех евангелий» и особенно в трактате «В чем моя вера», создает свою религиозно-философскую систему. Л.Н.Толстой призывает к преобразованию общества путем морально-религиозного самоусовершенствования, отказа от всякого насилия – тезис «непротивления злу насилием».

В многочисленных богословских, этических, эстетических и политических трудах, изданных за границей на русском и английском языках, Толстой проводит свое новое религиозное мирозерцание, явившееся плодом долголетней мучительной работы его глубокого аналитического ума. Основы его мирозерцания в учении о непротивлении насилием злу, в спасении мира добром и любовью, в спасении человека – личным свободным самоусовершенствованием, в отрицании всех принудительных форм общественности, действующих внешней силой (государство, церковная иерархия, военная организация и война и проч.). Толстой привлек огромное число последователей в России и во всех странах мира.

Сила толстовской критики церкви — не в новизне доводов, которыми Толстой доказывал несостоятельность церковного догматического учения. Задолго до Толстого догматы эти были подвергнуты такой же или подобной рационалистической критике деистами, рационалистами, вольнодумцами, сектантами различных мастей. Толстой только применил эти доводы, уже использованные против католичества и против протестантизма, к православию.

Однако в 80-х годах, когда Толстой писал свои богословские сочинения, развитая им критика догматического богословия сыграла несомненно положительную роль. Оригинальной, неповторимой, самобытной критику Толстого сделала зоркость, с какой Толстой разглядел связь, существовавшую между учениями церкви и социальным строем современного капиталистического общества. «Крестьянский» взгляд Толстого и в церкви разгадал одну из сил, разоряющих и порабащающих крестьянство, узаконивающих и освящающих бедствия надвигавшегося на крестьянина нового и непонятного для него врага — капитализма.

Работа написана достаточно понятно, присутствуют ссылки как на зарубежные, так и отечественные источники. В качестве положительной стороны можно отметить обращение как к аргументам автора, так и критический анализ контаргументации, что можно увидеть на протяжении всей работы. Заслуживает одобрения и представленный список литературы. Представляется, что настоящая статья привлечет внимание зрительской аудитории, а сама работа способна вызвать дискуссионное обсуждение.